

Литература

1. Новиков Вл. Словарь модных слов / Владимир Новиков. – М.: Зебра Е, 2005. – 156 [4]. с.
2. Даль В. Толковый словарь русского языка. – М., 1983.
3. Новиков Вл., указ.соч.
4. Григорий Залевский. Феня на рунете // www.fenia.ru (дата доступа 15.02.2009)
5. Столяров Д.Ю., Кортунов В.В. Культурология: Уч. пособие для студентов заочно-го обучения всех специальностей. – М.: ГАУ им. С. Орджоникидзе, 1998. – 102 с.
6. Культурология. Краткий тематический словарь / Под редакцией: д. ф. н., проф. Драч Г.В., д. ф. н., проф. Матяш Т.П. – Ростов Н/Д: "Феникс", 2001. (Словари XXI века).
7. Культурология XX век. Энциклопедия. В 2-х тт. Т.1 – СПб.: Университетская книга; 000 "Алетейя". – 1998. – С. 447.
8. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – Российский гуманитарный интернет-университет, 1999 // www.i-u.ru (Дата доступа 23.03.2009).
9. Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.
10. Современный словарь по культурологии / Автор-составитель Юрчук Ю.В. – Мн.: "Современное Слово", 1999; Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.

ПОСТИМПЕРСКАЯ ИНЕРЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Объективное изучение процессов социальной и национальной трансформации требует всестороннего учета сопровождающих ее факторов. Одним из них является инертность. Культурная инерция способствует дальнейшему сохранению элементов и установившихся связей в рамках исследуемой культуры. Это одна из составляющих диалектического процесса культурной трансформации.

Целью данной статьи является описание последствий длительного влияния Российской империи на культуру коренного населения Западной Белоруссии (1921-1939 гг.). Изучение данной темы позволит более полно оценить потенциал русского национального движения и его роль в данном регионе.

Наиболее явным признаком влияния Российской империи в регионе было распространение русской культуры и ее институтов. В одной из центральных польских газет, «Варшавской газете», в 1933 году появилась статья, в которой, среди прочего, говорилось о том, что «перед войной полесские местечки, насчитывающие иногда 90 процентов евреев, очень легко русифицировались» [6, с. 260]. Ассимиляция местных жителей была одной из составляющих политики государства и стимулировалась административно. В частности, полностью была русифицирована государственная система образования. Разумеется, что в короткие сроки изменить ее и отношение к ней людей было бы крайне сложно.

В завершающей фазе Гражданской войны, поздней осенью 1920 г., местное население требовало от представителя польской гражданской власти (барановичского старосты) открыть для их детей русские школы. Инициаторами возобновления русских школ были бывшие учителя. Староста отмечал, что просители, большинство из которых белорусы, негативно относятся к идее белорусской школы [7, с. 10; 7, с. 45]. В следующем году в в Докшицах группа интеллигенции во главе со священником Николаем Плецинским и учителем Иваном Пашковским обратилась с заявлением об образовании русской гимназии. Показательно, что среди подписавших обращение были как православные, так и католики. Власти по причине неуважительного отношения заявителей к факту существования польской государственности и враждебной пропаганды в отношении него просителям отказали [8, с. 32]. Школьные кампании в поддержку русской школы имели место и позже.

Инерция в системе образования часто была вызвана чисто техническими причинами: такими как отсутствие школьных учебников на родном языке или квалифицированных учителей [7, с. 58; 6, с. 116]. Финансовая заинтересованность сотрудников бывших учреждений Российской империи в том, чтобы они продолжили существовать также имела место. Кроме того с русской школой во многих регионах были связаны планы и определенные традиции местных общин. Были и более глубокие причины.

Прекращение принудительной русификации не означало исчезновения ее как таковой. Как и прежде, имела место добровольная русификация. В первую очередь, на это влиял социальный статус русских. На территории Западной Белоруссии в своей массе это были люди с более высоким образовательным цензом, работники администрации, учителя, высшее духовенство, дворяне, состоятельные горожане и т.п. «Отмечены неоднократные случаи использования чиновниками русской национальности русского языка во время деловых контактов с обращающимися к ним местными крестьянами, владеющими только местным полесским говором. Это приводит к тому, что и полешуки стараются говорить на литературном русском языке, считая, что это язык более культурный, «высших сфер» и тем самым подвергаются русификации» [6, с. 136]. Мотивов добровольной русификации несколько.

Важное влияние на сознание людей имел и такой политический фактор, как «реваншистские настроения». Осевшие на этой территории эмигранты, бывшие российские офицеры и местные монархисты активно распространяли слухи о том, что поражение белых в гражданской войне, так же как и парад национальных суверенитетов – это временное явление, и Российская империя будет вскоре восстановлена. Знание русской культуры таким образом решало вопрос о лояльности или нелояльности в отношении будущего политического устройства. «Российские традиции и культ царя так глубоко укоренился в психике православного духовенства, что даже сейчас после пятнадцати лет господства большевизма в России и стабилизации отношений в возрожденной Речипосполитой значительная часть низшего духовенства верит в возвращение Романовых и реставрацию великой России если не в довоенных границах, то по крайней мере до Буга на западе» [6, с. 133]. Для многих получить польское гражданство было значительно легче, чем перестать осознавать себя гражданином русского государства.

Следующим важным культурно-политическим фактором была распространявшаяся в Российской империи идеология «западнорусизма». Руководствуясь ею русские консерваторы, как в случае с выступлением Владимира Гриненко в г. Гродно 11.11.1933 г., утверждали, что все восточные славяне говорят на русских диалектах, а следовательно к иным национальным культурам они принадлежать не могут [1, с. 232]. Западнорусизм объявлял русскую культуру единственной нормативной для всех восточных славян. Знание норм и правил русского языка могло влиять и влияло на самоидентификацию людей. Во время переписи 1931 года в Брестском повете часть местного населения записывало в графе родной язык – русский. Некоторые крестьяне объясняли свое решение так: «мы читаем и пишем по-русски, т.е. пользуемся русским языком как родным» [6, с. 65].

Темпы социальных и политических преобразований значительно превосходили изменения, происходившие в конфессиональной жизни Западной Белоруссии. Соответственно менее динамично изменялись и симпатии населения в вопросах религиозной жизни. Некоторые вкладывали в свою национальную принадлежность конфессиональный смысл, т.е. продолжали руководствоваться нормами сословного общества: «Мещане православные Пинска – это пассивный элемент и декларируют свою принадлежность к русскому народу не потому, что чувствуют близость с русскими, а для того, чтобы подчеркнуть свою религиозную принадлежность, идентифицируя понятие «русский» с «православным» [6, с. 171]. Известно, что в этом городе еще в 30-е годы XX в. для публичного общения использовался именно русский язык.

Социальные, конфессиональные и национальные интересы служителей церкви и крупных земельных собственников нередко совпадали. Польское государство сохранило все имения в руках их прежних владельцев. Переход этой собственности в руки непосредственно обрабатывающих крестьян путем постепенной распродажи земельного фонда затянулся на десятилетия. Располагая значительными средствами, русское дворянство активно поддерживало православное духовенство. При поддержке местной помещицы Валентины Пчицкой, священник д. Лаше Гродненского повета, Михаил Бобровский, созвал 30 июля 1936 года антикоммунистическое вече. На нем говорилось о том, что если религия как прежде будет преподаваться по-русски, то дети местных крестьян будут набожны и устойчивы к коммунистической пропаганде» [2, с. 82]. Такие примеры были далеко не единичны. В следующем году в этом же повете дворянка Анна Трусова совместно с псаломщиком Николаем Дроздовским провели акцию в поддержку изучения Закона Божьего на русском языке. Совместно ими было собрано 800 подписей [3, 9 об.].

Немаловажно также то, что в Российской империи православное вероучение было облечено в русскую национальную форму. На протяжении XVIII-XIX вв. Синод православной церкви предпринял ряд мер для того, чтобы русифицировать литургию, богословскую литературу, религиозное образование, внутренний и внешний облик храмов. Консервативный характер церкви способствовал тому, что по прошествии десятилетий нововведения стали рассматриваться частью духовенства и мирян, как важные составляющие церковной жизни. Известно, что священники противодействовали сокращению сферы использования русского языка. Часть из них тайно обучали ему детей [6, с. 116]. Другие открыто заявляли о своей позиции представителям власти. Один из наиболее ярких случаев произошел 16.12.1938 в г.

Гродно. Гродненский благочинный, епархиальный миссионер отец Ананий Сагайдаковский не дал ввести в церковь останки капрала Перегуда, погибшего в авиакатастрофе под Варшавой. Свое решение он объяснил так: «Полякам нет места в церкви, т.к. они борются с русским языком» [4, с. 169]. За этот поступок священник был снят с прихода, но местная община активно опротестовала это решение, грозя не пускать своего епископа в собор, пока он не добьется его возвращения. Известно, что позиция духовенства нередко не ограничивалась только поддержкой русского языка. Были такие, чьи симпатии полностью совпадали с русскими национальными интересами. В частности, полиция характеризовала священника д. Гудевичи Гродненского повета Владимира Кавецкого как русского националиста [5, 46 об.]. Эта и другие подобные позиции подтверждают существование постимперской инерции, поскольку во всех описанных нами случаях фамилии священнослужителей говорят об их белорусско-украинско-польском происхождении.

Польское правительство проводило довольно консервативную социально-экономическую политику (способствовало сохранению крупной светской и церковной собственности на землю, противодействовало изменению аграрного характера восточных воеводств, либерализации средств массовой информации и системы образования и т.д.). Польская администрация также умело использовала русских консерваторов в собственных целях. По воспоминаниям воспитанника русской гимназии г.Бреста Монтилова М.В. среди ее учеников «конечно были белорусы, украинцы и «тутэйшие». На прием Русскою гимназией этих «нерусских» элементов, в нарушение министерских инструкций, школьный округ почему-то, не очень реагировал, – видимо, потому, что ни в Бресте, ни во всем Полесском воеводстве, не было ни одной гимназии для украинцев, белорусов и «тутэйших» и округ не собирався открывать такие. ... Если в гимназии не было политических партий, то, однако, идея «единой и неделимой» России была руководящей идеей ее воспитательной работы. ... И польское правительство терпело, до поры до времени, этот русский национализм гимназии, как своего рода противоядие против советской пропаганды и против сепаратистских течений украинцев и белорусов, в данном положении более опасных, с точки зрения поляков, чем «беспочвенные мечтания» русских националистов о возрождении Великой России» [9, с. 37; 9, с. 39]. Создание в г. Бресте русской гимназии было обусловлено не столько культурными потребностями проживающих здесь русских, сколько желанием польских властей поддержать местную русскую интеллигенцию в борьбе с украинским и белорусским национальными движениями. Однако отсутствие поддержки со стороны избирателей в отношении русских кандидатов на выборах, инициировавших также создание упомянутой гимназии, свидетельствует о том, что эта инициатива оказала незначительное влияние на национальные симпатии населения.

Последствия Первой мировой войны (появление польского государства, рост национального самосознания, внедрение новых форм хозяйствования) на протяжении двух десятилетий оказывали сильное воздействие на культуру коренного населения Западной Белоруссии. Русская культура маргинализировалась, число ее носителей среди белорусов и украинцев сокращалось, шел активный процесс ассимиляции живущих здесь русских. Несмотря на это, к началу следующей мировой войны многие явления, усвоенные за время существования Российской империи, все еще давали о себе знать. Об этом можно судить по использованию русского

языка в качестве нормативного в администрации, образовании, духовных учреждениях и в публичном общении лицами, не имеющими русского происхождения (евреями, белорусами, украинцами и др.). Уменьшение влияния сословных институтов на жизнь населения ослабляло значение норм и правил, принятых в Российской империи. Как правило, сохранялись они в местах, наиболее удаленных от административных, промышленных и национальных центров, в частности, в Лунинецком и Столинском поветах Полесского воеводства. Консервации довоенных порядков отчасти содействовала государственная администрация, проводя искаженную национальную политику и ограничивая инициативность населения за счет милитаризации приграничных территорий.

Литература

1. Państwowy archiwum w Białymstoku (PAwB) z.47 syg.73.
2. PAwB z.47syg. syg.93.
3. PAwB z.47syg.97.
4. PAwB z.47syg.100.
5. PAwB z.47syg.107.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО) ГАБО ф.1оп.9д.1182.
7. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ГАГО ф.347оп.1д.76.
8. ГАГО Ф.551 оп.1д.724.
9. Монтвиллов М.В. Русская гимназия в Бресте на Буге 1919-1939гг. – Ним-Брест-Минск, 1996 – 119 с.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

В.А. Михайлов

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

1. Переломные процессы, переживаемые Беларусью в последние годы, носят парадоксальный характер. Будущее страны во многом зависит от молодежи. Воспитание молодого поколения является процессом кропотливым и многосторонним, охватывающим не только развитие интеллектуальных, творческих и физических способностей, но и формирование сознания, мировоззрения, чувств, норм поведения и, самое главное, – духовного мира. Сфера духовной культуры Беларуси сегодня рассматривается не только как производитель и хранитель культурных ценностей, но и как важнейший сектор экономики, обеспечивающий рост занятости населения, развитие наукоемких отраслей.

Попытки социально-экономического реформирования красноречиво говорят о том, что позаимствованные западноевропейские или американские концепции общественного реформирования, построенные на соответствующих мотивационных моделях поведения, нравах, обычаях, традициях, культурах приводят к неподвижным, мало желательным либо совсем неприемлемым результатам.

2. К сожалению, при анализе столь разнопланового явления, каковым является экономика, часто выносятся за скобки такая его важнейшая компонента, как субъект экономических отношений – человек, рассматриваемый не как некая безличная